

2000-48

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ имени АКАДЕМИКА
Я.Г.ГУЛЯМОВА

На правах рукописи
УДК 930.26 (575.1)

МАЛИКОВ АЗИМ МАННОНОВИЧ

ТЮРКИ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ
МЕЖДУРЕЧЬЕ В VI-VIII вв.

(по археологическим и письменным источникам)

Специальность - 07.00.06. -
Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Самарканд – 2000

Работа выполнена на кафедре «Истории народов Узбекистана» Самаркандского Государственного Университета им А.Навои и в отделе средневековой археологии Мавераннахра Института археологии им. акад. Я.Гулямова Академии Наук Республики Узбекистан

НАУЧНЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ:

Академик АН РУз
Ю.Ф. БУРЯКОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ
ОППОНЕНТЫ:

доктор исторических наук
М.М. ИСХАКОВ

кандидат исторических наук
М.Х. ПАРДАЕВ

ВЕДУЩАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ :

кафедра археологии Ташкентского
Государственного Университета им. Мирзо
Улугбека

Защита диссертации состоится « 4 » III 2000 г. в
15 часов. На заседании Специализированного Совета Д. 015.93.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.06 - археология при
Институте археологии АН РУз, по адресу: 703051, г.Самарканд, ул. акад.
В.Абдуллаева, 3, Институт археологии, конференц-зал, 2 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИА АН РУз.
(703051, г.Самарканд, ул. акад. В.Абдуллаева, 3)

Автореферат разослан « 2 » II 2000 г.

Ученый секретарь
Специализированного Совета
кандидат исторических наук:

Д.К. МИРЗААХМЕДОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Обретение Узбекистаном независимости открыло широкие возможности для объективного и правдивого изучения истории и культуры нашего народа. Среди узловых проблем, которые стоят перед исследователями, одной из важнейших является проблема этнокультурной истории региона в раннем средневековье – эпохи, когда образовалась и расцвела могучая держава - Тюркский каганат. В этот период в Центральной Азии протекали бурные процессы этнического и культурного взаимовлияния оседлого населения и кочевых племен, ярким примером которого является тюрко-согдийский культурный синтез. Этноним основателей Тюркского каганата - тюрки - туо с этого времени становится общераспространенным среди многих тюркоязычных племен Центральной Азии. Изучение истории тюрков имеет как научное, так и национальное значение. Эта проблема связана со сложными, многосторонними процессами формирования современных среднеазиатских народов: узбеков, казахов, кыргызов, каракалпаков и туркмен. Не случайно на IV встрече глав тюркоязычных республик было принято решение о глубоком изучении тюркской цивилизации и праздновании 1450 летнего юбилея образования Тюркского каганата. В нашей республике придается большое значение изучению тюркского пласта узбекского народа. Президент нашей республики И.А. Каримов специально подчеркивал необходимость исследования этой проблемы. (Каримов, 1998, с.13).

Но к настоящему времени значительный исторический, археологический и этнографический материал по истории тюрков, требующий комплексного исследования пока не получил широкомасштабного обобщения.

Письменные источники по истории тюрков VI-VIII вв. в Среднеазиатском междуречье отрывочны и неравномерны. В связи с этим основное значение приобретает археологический материал, который, в то же время нельзя рассматривать в отрыве от письменных источников. При комплексном же подходе мы получаем более полную и ясную картину происходивших исторических процессов.

Несмотря на то, что в последние десятилетия проделана определенная работа по изучению вопросов, связанных с непрерывными волнами тюркской интеграции в регионе, но, к сожалению, полученный материал не получил целенаправленного завершения.

Цель и задачи исследования. Работа является попыткой комплексного анализа различных источников, прежде всего археологических материалов по истории тюрков в Среднеазиатском междуречье. Основной акцент был сделан на изучении истории развития одного из ведущих тюркоязычных племен - тюрков-туо, их происхождении, генезисе древнетюркской культуры, продвижении тюрков в оазисы Среднеазиатского междуречья, процессах взаимодействия и взаимовлияния с местным населением.

Под термином «тюрки» в тексте подразумевались в основном основатели Тюркского каганата, имевшие самобытную материальную и духовную культуру, однако по ходу исследования мы не могли не затронуть вопросов, связанных с историей других тюркоязычных племен Среднеазиатского междуречья VI-VIII вв.

Хронологические рамки работы охватывают в основном период от середины VI века – создания Тюркского каганата – по VIII век – времени установления арабского господства в рассматриваемом регионе, а именно в бассейне Средней Сырдарьи, Фергане, Согде и Тохаристане. Исследованием частично затронуты и районы Нижней Сырдарьи, где наиболее четко прослеживаются в материальной культуре новые элементы, проявившиеся в VI-VIII вв.

В круг задач, поставленных в работе, входят: изучение происхождения тюрок, их материальной культуры на основании археологического материала и письменных источников; рассмотрение проблемы более ранних пластов тюркоязычного населения Среднеазиатского междуречья; систематизация основных данных письменных источников и археологических комплексов о тюрках в различных регионах Среднеазиатского междуречья; выявление основных результатов взаимодействия и взаимовлияния тюрок с оседлым населением, определение перспектив дальнейшего изучения материальной и духовной культуры тюрок, её истоков.

Источниковедческой базой рассматриваемой проблемы послужили данные археологических исследований и памятники письменности.

Научная новизна. Впервые предпринята широкая комплексная систематизация археологического материала и письменных данных по истории тюрок в Среднеазиатском междуречье. Анализ данных позволяет по-новому интерпретировать происхождение тюрок-туго. Впервые на уровне данной работы рассмотрена проблема древнего тюркоязычного населения Среднеазиатского междуречья. Обобщение данных по тюркскому присутствию в различных регионах Среднеазиатского междуречья было также предпринято впервые. Исследованы некоторые моменты духовной культуры тюрок, в частности роль мировых религий в истории тюрок, что прежде было разработано недостаточно. В ходе изучения имеющихся материалов выявлены перспективные направления дальнейшего исследования истории тюрок VI-VIII вв.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при написании соответствующих разделов Истории Узбекистана, специальных обобщающих работ по этнической истории Центральной Азии, при изучении такой сложной проблемы как этногенез узбекского народа, а также при подготовке и написании учебников, спецкурсов и методических пособий для студентов исторических факультетов по истории и археологии тюркоязычных народов Средней Азии.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано семь работ. Основные положения исследования также были представлены автором

на конференциях молодых ученых Института Археологии АН РУз в 1995, 1997 годах, научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава исторического факультета СамГУ в г. Тохаристане (Термез, 1995), на международной конференции посвященной 70-летию СамГУ (Самарканд, 1997), на республиканской конференции «Мавнавият, мафкура ва миллий кадрларнинг кишилар истиклол оини ва дунёкарашини шакллантиришдаги роли» (Самарканд, 1999).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений, перечня и альбома иллюстраций.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы; очерчивается круг затрагиваемых проблем; определяются цели и задачи исследования; изложены новизна и практическая значимость работы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Интерес к истории тюрок возник уже в эпоху расцвета исламской цивилизации IX-XII вв. М. Кашгари, М. Мерверруди, Рашид ад-дин и другие авторы приводили ряд интересных и важных данных по истории тюркоязычных племен, однако их недостатком было использование легендарных сведений, имевших мало общего с историей тюрок VI-VIII вв.

Лишь в середине XVIII в., когда французскими миссионерами было переведено большое количество китайских исторических хроник, появился труд Дегиля, заложивший основы тюркологической историографии.

Большое значение в изучении истории тюрок имела дешифровка древнетюркской рунической письменности В.Томсеном и В.В. Радловым.

Историческая литература, посвященная проблемам истории тюрок огромна. Мы остановимся лишь на обзоре тех исследований, в которых освещались в той или иной степени вопросы, затрагиваемые в нашей работе.

Проблема происхождения древних тюрок-туго была рассмотрена в ряде работ (Кляшторный, 1964; Гумилев, 1967; Зуев, 1967 и др.), в которых авторы пытались решить проблему через интерпретацию письменных источников, не учитывая археологический материал.

Истории значения термина «тюрк» посвятили свои публикации такие ученые как А.И. Кононов (1949), Д. Айтмуратов (1996) и др. Отмечалось, что этот термин имеет большое количество значений и предлагались различные варианты происхождения.

Изучалась история формирования древнетюркской материальной культуры (Гаврилова, 1965; Савинов, 1984; Кубарев, 1987; Овчинникова, 1990 и др.). В последнее время вышеуказанный материал получил

некоторое обобщение (Кляшторный, Савинов, 1994).

Сравнительно слабо исследованной остается проблема роли тюркоязычного элемента в этнической истории Центральной Азии в период, предшествовавший образованию Тюркского каганата.

Хотя отсутствуют обобщающие работы как по истории тюрков Центральноазиатского региона в целом, так и по рассматриваемым областям Средней Сырдарьи, Ферганы, Согда и Тохаристана, надо отметить, что определенные исследования в этом направлении все же велись. Материалы по тюркскому присутствию на Нижней и Средней Сырдарье нашли отражение в ряде публикаций Л.М. Левиной. Так, при исследовании джетысарской культуры, ей удалось выявить «чужие» элементы, появившиеся в Джетысарах в разные периоды истории, в том числе в раннем средневековье, когда эта территория вошла в состав Тюркского каганата. (Левина, 1996).

Также были затронуты вопросы тюркского влияния на развитие культуры Южного Казахстана, Семиречья (Байпаков, 1986, Трифонов, 1987) и Ташкентского оазиса (Буряков, 1982, 1986 и др.).

В ряде других публикаций нашли отражение вопросы, связанные с материальной культурой тюрков в Фергане (Бернштам, 1956; Заднепровский, 1967; Матбабаев, Иванов, 1997; Баратова, 1995, 1998 и др.). Также были описаны отдельные древнетюркские надписи, обнаруженные в ходе археологических исследований в Ферганской долине (Давидович, Литвинский, 1955; Баруздин, 1962; Батманов, 1962; Тенишев, 1973; Абулгазиева, Исхаков, Садыков, 1993; Ширинов, Матбабаев, Иванов, 1998; Рахманов, Матбабаев, 1999 и др.).

Публикации по вопросам тюркского присутствия в Согде можно объединить на две группы; первая посвящена анализу письменных источников. Это переводы и комментарии согдийских документов с замка на горе Муг (Лившиц, 1962, Исхоков, 1992 и др.), китайских летописей VI-VIII вв. (Бичурин, 1950-53; Кюннер, 1960; Малявкин, 1989; и др.), арабо-персидских источников (Беляев, 1987; Гаибов, 1989 и др.), древнетюркских рунических памятников (Малов, 1951; Кляшторный, 1964 и др.).

Вторая - исследованию материальной культуры тюрков в Согде, а также процессам взаимовлияния тюркской и согдийской культур. (Спришевский, 1951; Распопова, 1965, 1980; Маршак, 1971; Альбаум, 1975; Мешкерис, 1962, 1977, 1989; Лебедева, 1994 и др.).

Труды по проблемам присутствия тюрков в Тохаристане также подразделяются на две соответствующие группы. Первая - это публикации, в которых приводились и анализировались сведения письменных источников о тюрках в Тохаристане (Бернштам, 1952; Малявкин, 1989; Бичурин, 1950; Боровкова, 1989 и др.).

Во второй - археологические и нумизматические материалы, связанные с тюрками Тохаристана рассмотренные различными исследователями. (Жуков, 1978; Соловьев, 1985; Баратова, 1995 и др.). Некоторое обобщение данных имело место в монографии В.С. Соловьева (Соловьев, 1997). Однако он рассматривал этот вопрос в контексте

общего развития Северного Тохаристана в раннем средневековье, не вдаваясь в тюркскую проблему.

Отдельными сторонами одной из интереснейших проблем - духовной культурой тюрков VI-VIII вв. занимались или непосредственно касались многие исследователи. Большая часть публикаций была посвящена религии древних тюрков (Стеблева, 1972; Кляшторный, 1973, 1981, 1987 и т.д.; Войтов, 1996 и др.), а также культам коня и волка, широко распространенным у тюрков (Потапов, 1968, 1977; Ермоленко, 1992; Аджигалиев, 1994; Пардаев, 1995 и др.).

Влияние и роль таких мировых религий, как буддизм и христианство в истории тюрков, затрагивались в отдельных публикациях следующих авторов (Шер, 1966; Лившиц, Кляшторный, 1971; Никитин, 1984; Шишкина, 1994; Буряков, 1994, 1998).

Подводя итог, обзору опубликованных работ по рассматриваемым проблемам отметим, что при огромном количестве литературы по той или иной стороне истории тюрков, малочисленность фундаментальных, обобщающих работ отрицательно сказывается на реконструкции цельной картины их истории.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЮРОК И ГЕНЕЗИС ИХ КУЛЬТУРЫ

2.1 Этноним «тюрк» и этногенез тюрков-туго. Изучение проблемы происхождения тюрков-туго непосредственно связано с историей этнонима «тюрк». До сих пор не существует обоснованного решения этой проблемы.

Говоря о времени появления этнонима «тюрк» исследователи основывались в большей степени на данных китайских хроник, связывая это событие с переселением рода Ашина к южным отрогам Алтая в V в. н.э.

Между тем известно, что Ашина до прихода на Алтай тюрками себя не называли, т.е. можно определенно полагать, что этноним «тюрк» был распространен на Алтае еще до V века нашей эры.

Заслуживает в этом плане внимания и гипотеза о связи этнонима «тюрк» с названием центральноазиатских кочевников-тугов. (Еремеев, 1990).

Все исследователи считают слово тюрк двухэлементным образованием тюр-к. Аффикс - к может быть возведен к форме -гун, -кун. Его можно рассмотреть как аффикс множественно-собирающего числа (Кононов, 1949).

Что же касается происхождения слова «тур, тюр», известны в основном три вида лингвистических интерпретаций: тюркская со значениями - «передний угол, почетное место, главное место у очага, обычай, закон, правило и т.д.» (Кононов, 1949; Айтмуратов, 1996); индоевропейская - «бык» (Рак, 1998), енисейско-кетская - «чистый». (Яйленко, 1990).

Таким образом, существующие на сегодняшний день гипотезы

представляются противоречивыми, однако важно, что многие исследователи связывают происхождение основы «пор/тур» со среднеазиатской территорией.

Как нам представляется, генеалогические легенды тюрок, зафиксированные в китайских источниках, касаются только происхождения правящей династии Ашина. По поводу происхождения самого слова «ашина» предлагаются различные версии. В качестве одного из гипотетических прототипов имени ашина выделяют сакское «asana» со значениями «достойный, благородный» и «синий» (Кляшторный, Савинов, 1994).

Следует отметить, что нельзя однозначно подходить к такой сложной и дискуссионной проблеме как происхождение тюрок-тузо. Необходимо одновременно дифференцированно рассматривать проблемы происхождения правящего рода Ашина и самого этноса тюрок. Ашина возникли из «смешения разных родов» различного происхождения (хуннского, восточнотуркестанского и т.д.) при тесном этнокультурном взаимодействии с населением Алтая. Гораздо сложнее обстоит дело с этногенезом тюрок, в котором основную роль сыграли местные алтайские племена при консолидирующем значении рода Ашина.

2.2. Формирование древнетюркской материальной культуры.

Рассмотренные выше данные письменных источников позволяют нам изучать историю формирования древнетюркской материальной культуры, беря за основу главным образом алтайский компонент тюрок и выявляя инновации, привнесенные тюрками - Ашина в алтайскую среду.

До прихода тюрок - Ашина основное население Алтая составляли телеские племена. Истоки их культуры уходят в раннескифскую и пазырьские эпохи Горного Алтая.

В раннескифское время (IX-VI вв. до н.э.) на Горном Алтае существовала самобытная культура, вопросы происхождения которой остаются открытыми. В ней зафиксирован такой элемент будущей древнетюркской материальной культуры как, например, вкопанные вертикально в землю плоские камни - балбалы, выполняющие функции, находящихся вблизи с жилищем коновязей (Киришин, Тишкин, 1997). Для погребального обряда характерно захоронение лошади и отдельных частей ее туши с погребением человека.

Пазырьская культура, сменившая раннескифскую, представляла собой сложное образование в результате взаимодействия местного населения и племен, пришедших из Казахстанских степей. В ней также наблюдается обряд захоронения с конем.

Разгром хуннами юечжей совпадает с началом позднего (шибинского) этапа пазырьской культуры Горного Алтая - II в. до н.э. в которой сохраняются старые культурные традиции, но в то же время прослеживаются некоторые инновации. (Грязнов, 1992). Памятники последних веков до нашей эры - первых веков нашей эры, так называемого постпазырьского этапа (Булан-Коба, Кок-пап, Балыктуюльского типа), представляют собой новую культуру, которая отражает появление иноэтнического населения, влившееся в состав

местного субстрата.

Для памятников Булан-Кобы IV характерно сопроводительное захоронение коня, кольцевые ограды, погребения людей в каменных ящиках (Елин, 1992). Памятники Кок-папского типа, отличает устойчивый обряд погребения без коня с каменными и деревянными внутримогильными конструкциями и специфический вещевой комплекс, близкий к протопуркскому предметному комплексу с более отчетливыми признаками влияния хуннской культурной традиции, наряду с некоторыми сохранившимися чертами культуры раннего железного века (Елин, 1992). Культурная принадлежность Балыктуюльских курганов остается пока неясной.

Главной особенностью памятников берельского типа (IV-V вв.) Горного Алтая (Гаврилова, 1965) является устойчивый обряд захоронения с конем и, преимущественно, восточная (широтная) ориентировка погребенных, что встречается как в рядовых курганах шибинского этапа, так характерно и для саяно-алтайских погребений с конем середины - второй половины I тыс. н.э. (Савинов, 1984 и т.д.). Вероятно, берельцы были предками телесцев, этногенез которых дискуссионен и требует специального исследования.

Материальная культура непосредственно тюрок - Ашина во многом остается плохо дифференцированной.

Изучение погребального обряда тюрок до сих пор вызывает дискуссию. Предполагается, что с раннего этапа для тюрок - Ашина был характерен обряд трупосожжения (Савинов, 1981). У телесцев Горного Алтая господствовал обряд трупоположения с конем, что возможно было принято и частью тюрок Ашина. Во всяком случае, погребения с конем VI-X вв. с характерным инвентарем принадлежали этносу тюрок в целом.

Таким образом, даже предварительное изучение истоков формирования древнетюркской культуры показывает, что значительную роль в этногенезе тюрок сыграли алтайские племена при тесном взаимодействии и взаимодействии с группами населения проникавшими на Алтай из Средней Азии. В пазырьскую эпоху наблюдается усиление этого процесса и установление более тесных связей алтайцев с населением среднеазиатских степей.

Определенный вклад в становлении древнетюркской материальной культуры, этногенеза телесцев и формировании тюрок - Ашина внесли хунны. Тип одежды древних тюрок восходит к одежде хуннов. Значительное влияние хуннов проявляется в древнетюркском вооружении (Худяков, 1986).

Прослеживается близость аварской и тюркской культур (захоронения с конем, каменные изваяния, наборные пояса и т.д.).

Предполагается, что культура тюрок в своем развитии прошла ряд последовательных этапов. К первым этапам относятся кудыргинский и катандинский.

Комплекс предметов сопроводительного инвентаря из погребений кудыргинского этапа (VI-VII вв.) отличается сравнительно небольшим набором вещей, однотипных по всей территории их распространения, и

простотой их внешнего оформления. В него входят концевые накладки луков, трехлопастные наконечники стрел, стремена с петельчатой дужкой, фигурные поясные пряжки, одноколычатые удила с роговыми двухдырчатыми псалями, седла с широкими арочными луками, костяные пряжки с округлой верхней частью, блоки от чумбура и др. В качестве характерных признаков можно отметить отсутствие развитых приемов растительной орнаментации в украшениях поясных и сбруйных наборов.

Из типовых предметов инвентаря катандинского этапа могут быть отмечены стремена с петельчатой и пластинчатой дужками, удила с роговыми или железными эсвидными псалями, гладкие бляхи-оправы геометрических форм без орнамента, овально-рамчатые пряжки со щитком, серьги «салтовского» типа и др. (Кляшторный, Савинов, 1994).

В VII-VIII вв. завершается сложение культуры тюркок-туго, в образовании которой принимали участие как тюрки – Ашина, так и алтайские телеские племена.

ГЛАВА III. ТЮРКИ В КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

3.1. Древнейшее тюркоязычное население Среднеазиатского междуречья. Проблемы этногенеза тюркоязычных народов и племен считаются одними из самых сложных в исторической науке.

Неопределенным и дискуссионным остается вопрос прародины тюркских племен. Основные гипотезы сводятся к двум предположениям: первое – прародиной тюркских племен были земли к востоку от Алтая; второе – тюркские племена с древнейших времен жили как к востоку, так и западнее Алтая, т.е. на территории современных центрально-азиатских республик.

Предпринятый нами в настоящей работе тщательный сбор, анализ и систематизация археологических материалов и корреляция их с письменными источниками, а также лингвистическими данными позволяет на объективной основе более полно отразить концепцию сторонников второго направления.

Следует сказать, что еще А.Н.Бернштам предполагал тюркоязычность определенной части сакских племен Тянь-Шаня и Семиречья (Бернштам, 1952, 1959).

К числу наиболее ранних археологических материалов может быть отнесена сакская чаша с надписью из Иссыкского кургана V-IV вв. до н.э. По мнению некоторых лингвистов надпись сделана на древнейшем тюркском языке (Рахманов, 1992).

По мнению Ш.Шаниязова в начале античной эпохи в Центральной Азии уже проживали тюркоязычные этносы (Шаниязов, 1996).

С учетом археологических материалов сако-усуньской культуры и лингвистических данных Ю.А.Зуев предполагал тюркоязычность древних усуней (Зуев, 1959, 1960).

Процесс усиления тюркоязычных элементов происходил в эпоху проникновения хуннов и создания гуннского этнополитического союза на территории Казахстана в III-IV вв. н.э. Археологические исследования

на территории джетысарского урочища позволяют говорить о проникновении в Среднюю Азию первых групп хуннского населения начиная с первых веков до нашей эры (Левина, 1996).

Определенная часть хионитов, вероятно, имела тесные контакты с гуннами. Как отмечалось, «в именах гуннов и хионитов» есть общий корень и на связь их между собой источники указывают постоянно (Пигулевская, 1941). С гуннами источники связывают также другой народ – эфталитов (белых гуннов) (Агафий, 1996).

Имена некоторых эфталитских правителей, царствовавших еще до образования Тюркского каганата, читаются с тюркского языка: Тораман, Михиракул. Средневековые авторы свидетельствуют, что известные тюркоязычные племена халаджей представляли собой «остаток эфталитов» (Агаджанов, 1977).

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют предполагать, что еще до прихода тюркок-туго, на территории Среднеазиатских степей, и в том числе в оазисах, проживали определенные массы тюркоязычного населения. Предполагается, что этот регион являлся полиэтничным, т.е. здесь проживали как ираноязычные, так и тюркоязычные и, возможно, иной языковой принадлежности группы населения. Отметим, что для более конкретных этнических интерпретаций и локализаций тех или иных групп населения, племен, требуется дальнейшая кропотливая работа и комплексные исследования.

3.2. Тюрки на Средней Сырдарье. Одним из ключевых районов в этнической истории населения Центральной Азии является бассейн Средней Сырдарьи. Здесь, в контактной зоне земледельцев и скотоводов, с древности активно протекали сложные этногенетические процессы. Северная часть обширной Сырдарьинской дельты – Восточное Приаралье было своеобразным «перекрестком» исторических путей передвижения народов.

Очередным этапом активного взаимодействия и взаимовлияния оседлой и кочевой культур в регионе стала эпоха раннего средневековья, когда образовалась огромная держава – Тюркский каганат (552-744 гг.).

Надо отметить, что сведения письменных источников о тюрках в сырдарьинском регионе отрывочны и малочисленны. Сравнительно больше данных о Чаче тюркской эпохи. В 563-567 гг. среднеазиатские оазисы вошли в состав Тюркского каганата. На первых порах тюрки мало вмешивались в дела подвластных владений.

При Тон-ябгу кагане (618-630 гг.) была предпринята более серьезная попытка внутреннего упорядочения с целью централизации управления государством, в частности провозглашена реформа, согласно которой местные среднеазиатские правители превращались в наместников кагана и им жаловался соответствующий титул. В Чаче правил наместник с титулом «тудун» (Бируни, 1957). Этот титул сохранялся в Чаче вплоть до арабского нашествия.

Тюркские правители Чача выпускали свои монеты (Баратова, 1995).

Топонимика Средней Сырдарьи в том числе Чача свидетельствует о

значительном тюркоязычном населении в регионе в эпоху раннего средневековья. В Чаче источники упоминают Джабугукет, известный как «военный лагерь тюркского кагана». В древнетюркский пласт уходит и само название южной части Ташкентской области – Илак, выделявшейся в пору Тюркского каганата в самостоятельное владение. (Караев, 1987). К древнетюркскому корню может быть отнесен целый ряд названий рек и городов Ташкентского оазиса Жадгол (Чаткал), Итлык, Саблык (Сайлык) и другие (Караев, 1994).

В VI-VIII вв. в регионе вырос ряд новых городов, носящих тюркские названия (Абрлыг, Намудлыг и др.). Они характеризуются определенными особенностями материальной культуры, сохраняющей традиционные с поры Тюркского каганата формы лепной посуды, орнаментацию и особенности городской планировки (Буряков, 1982).

С VI в. присутствие тюрков фиксируется в Джетыясарском урочище, на Сырдарье. Можно говорить даже о двух волнах тюркского населения, с востока и юго-востока, попавших на «джетыясарскую» территорию в VI и начале VII в., но после смешения с местным населением давших отличные варианты культуры (Левина, 1996).

Исследования показывают, что тюрки-туго, продвигаясь в Среднюю Азию, возможно, включали в свой состав нетюркские – неалтайские этнические группы, в частности некоторые группы из Семиречья.

В свою очередь археологический материал позволяет проследить этапы и интенсивность проникновения тюрков-туго в Семиречье из Алтая. Выяснилось, что в период Первого каганата связи населения в пределах древнетюркского государства от Алтая до Тянь-Шаня были наиболее интенсивными (могильники Кара-Булуи и Кара-кулжур кудыргинского типа и др.), а в период Второго каганата, вероятно, эпизодическими (явное сокращение погребений с конем на Тянь-Шане в VII-VIII вв. по сравнению с VI-VII вв.) (Савинов, 1995). Соответственно аналогичную ситуацию можно предполагать и для Среднеазиатского междуречья.

Из категорий древнетюркского материального комплекса, встречающихся в джетыясарских памятниках надо отметить наборные пояса, украшения, оружие и конское снаряжение.

Наиболее многочисленной категорией являются детали наборных поясов. Они относятся к первым двум этапам развития культуры тюрков. Разнообразно представлены накладные бляшки (сердцевидные, полукруглые со срезанной нижней частью и фестончатым краем и др.). Наконечники ремней удлиненной формы с округлым концом и др. Были распространены пряжки различных типов (овально-рамчатые, с В-образной рамкой и др.).

Из конского снаряжения отметим стремя арочной формы с восьмерковидной петлей, седла, костяные застёжки от пут тождественных древнетюркским Западной Сибири (Левина, 1996).

Большой интерес представляет древнетюркская надпись, обнаруженная на территории джетыясарского урочища (Кляшторный, Левина, 1989).

В VI веке в самом урочище Джетыясар перестает функционировать ряд поселений, вместо округлых и овальных в плане городищ со сплошной жилой застройкой строятся прямоугольные в плане крепости с фортификацией иного типа без каких-либо следов внутренней застройки, появляются иные типы подкурганых захоронений. Аналоги инвентаря в тюркских памятниках Восточного Казахстана, Тувы и Семиречья позволяют связывать эти изменения с влиянием тюрков (Левина, 1971).

Появление тюрков непосредственно фиксируется и на Средней Сырдарье – в Южном Казахстане. В VI-VIII вв. здесь под влиянием тюрков вырабатывались новые типы вооружения, украшений, металлической посуды. Среди характерных и массовых категорий тюркских вещей в синхронных объектах южноказахстанских городищ (Куйруктобе, Куюк-Мардан и др.) и некрополей (Кок-Мардон, Борижар и др.) больше всего зафиксировано предметов поясной гарнитуры. Некоторые предметы вооружения (наконечники копий, накладки на лук, панцирные пластины), конского снаряжения (подпружные пряжки, сбруйные бляшки), орудия труда и украшения, особенно серги встречают аналогии в памятниках саяно-алтайских и среднеазиатских тюрков (Трифонов, 1987).

Тюрки изображены на резной доске из цитадели Куйрук-тобе в Южном Казахстане. Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пянджикента. Именно такую одежду «носят» древнетюркские каменные изваяния из Семиречья и Южного Казахстана (Байпаков, 1986).

Как показывают археологические исследования, тюрки участвовали в процессе сложения городской культуры не только в Семиречье и Южном Казахстане, но и на Средней Сырдарье.

Археологические памятники тюрков в регионе представлены в виде характерных тамгообразных наскальных изображений горных козлов (по Д.Г.Савинову) из Ходжикента и Каракияса (Хужаназаров, 1995), а также каменного изваяния из Той-тепе (Массон М.Е., 1952).

Категории вещей, характерных для тюрков-туго обнаружены и на территории Ташкентского оазиса. В основном они включают в себя детали тюркского поясного набора, предметы вооружения и конскую сбрую. Они относятся к первым трем этапам развития культуры тюрков. На городище Канка была найдена бляшка с изображением Тенгри, древнетюркского верховного божества (Богомолов, 1986). Здесь же была обнаружена древнетюркская надпись на обломке кувшина V-VI вв.

Тюркское влияние в Ташкентском оазисе проявилось и в одежде. Это выразилось в появлении изображений персонажей в однобортном халате с запахом на правую сторону или двухсторонним отворотом треугольной формы (Богомолов, 1992).

3.3 Тюрки в Фергане. В источниках отсутствуют данные о тюрко-ферганских взаимоотношениях до второй четверти VII века. В 627 году тюркский правитель Ашина Шуни разбил в сражении ферганского царя и завоевал Фергану.

В начале VIII века упоминается владетель в Фергане с тюркским титулом тутук (Исхоков, 1992).

Тюрки Ферганы совместно с другими жителями Среднеазиатского междуречья участвовали в антиарабской борьбе (Табари, 1987).

Из тюркоязычных племен в Фергане источники упоминают карлуков, которые к середине VIII века, а может быть и ранее, двинулись вниз по Нарыну, заняв Восточную Фергану до слияния Нарына с Караларьей; наиболее подвижные группы поселились на землях Центральной Ферганы (Шаниязов, 1964).

Тюркские правители Ферганы в VII - первой половине VIII века выпускали свои монеты. Именно с древнетюркскими монетами связано усиление процесса развития товарно-денежных отношений в Фергане (Баратова, 1995).

В ходе раскопок на городище Кува было обнаружено большое количество монет «безымянных хаканов» (Баратова, 1998). Возможно, здесь имело место самовольное присвоение титула «кагана» местным владетелем в условиях политической нестабильности второй половины VII - первой половины VIII веков, когда и были выпущены монеты. По некоторым сведениям сам топоним Кува является тюркским по происхождению (Гусейнзаде, 1971).

Известны несколько видов археологических памятников, связанных с тюрками в Фергане. Это погребения с конем в Арсифе и Дальверзине, погребения на Мунчактепа и под курганом № 70 Суфанского могильника, каменные оградки в Северной Фергане, древнетюркские каменные изваяния на Алае и в Ферганской долине.

Погребения, связываемые с тюрками, представлены двумя видами: труположения с конем и трупосождения. Для захоронений с конем характерна широтная ориентация, что сближает их с погребениями Алтая с восточной ориентировкой. Инвентарь также находит аналогии в алтайских материалах. При сопоставлении с данными письменных источников погребения датируются VII-VIII вв.

В Западной Фергане в горах Моголтау отмечены тамгообразные наскальные изображения горных козлов (Панфилов, 1990), которые также вероятно принадлежат тюркам.

Из предметов древнетюркской материальной культуры на территории Ферганской долины были обнаружены детали наборных поясов и вооружение. На данной территории также найдено более 20 древнетюркских рунических надписей. Они были встречены как в западной части долины (Фархадская ГЭС, Кармазар), так и на востоке (Шурабашат), но большинство находок происходит из долины Исфары, района городов Ферганы, Кувы и южной части долины.

Большая часть надписей сделана на предметах земледельческого, оседлого населения – различных сосудах, хумах, что говорит в пользу перехода тюрков к оседлости. С другой стороны надписи являются памятниками нескольких, по крайней мере, двух разновидностей рунического письма. Исходя из этого не исключено, что некоторая часть надписей была оставлена более древним местным тюркоязычным

населением.

Тюркское влияние в Фергане проявилось и в керамической продукции. Ярче всего это фиксируется в северных предгорьях, где в VI-VIII вв. появились некоторые формы керамических изделий, и в частности, глиняные кружки, находящие аналогии среди серебряной или деревянной посуды этого типа, широко распространенной у тюрков (Брыкина, 1982).

ГЛАВА IV. ТЮРКИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОАЗИСАХ

4.1. Тюрки в Согде. По сравнению с другими регионами Среднеазиатского междуречья об этнической ситуации в Согде и роли здесь тюрков в историческом процессе, мы располагаем более подробными сведениями письменных источников.

Между 563-567 годами Согд в числе остальных эфталитских владений вошел в состав Тюркского каганата. На первых порах тюрки практически не вмешивались во внутренние дела и порядки среднеазиатских владений, ограничиваясь лишь сбором дани. Но постепенно, положение меняется. Из сторонних наблюдателей они превращаются в активных участников среднеазиатской экономической и политической жизни. Этот процесс был связан с одной стороны, ростом интенсивности проникновения тюрков-тупо в оазисы и их оседанием, с другой, централизаторской политикой некоторых тюркских каганов, а с третьей, включением их в широкую международную торговлю шелком и другими товарами.

В период правления Тон-ябгу кагана (618-630) усилилась центральная власть. С наиболее сильным владетелем в Среднеазиатском междуречье - царем Согда Тон-ябгу каган установил родственные отношения - выдал за него свою дочь. Установлено, что в конце VII - начале VIII вв. Пенджикентом управлял тюркский правитель Чекин Чур Бильге (694-709 гг.), который как и другие согдийские владетели тюркского происхождения выпускал свои монеты (Смирнова, 1981). Согласно источникам династии тюркского происхождения правили некоторыми согдийскими владениями продолжительный период.

Определенная часть тюрков влилась в VI-VIII вв. в состав согдийской знати, аппарата управления и играла немаловажную роль в городской жизни Согда.

В ряде мугских документов упоминаются представители отдельных тюркских племен и племенных конфедераций, лица, носящие тюркские имена и титулы (Лившиц, 1962). Эти факты наглядно иллюстрируют сближение тюрков и населения Согда.

Военные действия между согдийскими владетелями в VII-VIII вв. способствовали привлечению на военную службу воинов тюрков, которые «за славу считали умереть на войне» (Бичурин, I). Тесные тюрко-согдийские связи способствовали заимствованиям из тюркского языка в согдийский и наоборот. В согдийских текстах встречаются заимствования из тюркского языка. Например, «yttuku» - «посылать»,

«посольство»; «bediz» – «резьба, орнамент» и др. (Лившиц, 1989).

Многочисленные упоминания тюрков мы встречаем в арабско-персидских источниках, описывающих походы арабов в Согд и прилегающие области. Военская доблесть тюрков была признана арабами. «Никто не внушает такой страх арабским войскам, как тюрки», – писал арабский поэт VIII в. Амаллас б.Укейл (Мандельштам, 1956).

Однако на совместной борьбе тюрков и согдийцев против арабов отрицательно отразилось падение Западнотюркского каганата под ударами коалиции китайцев, уйгур и восточных тюрков. Лишь в конце VII в. в Семиречье образовалось новое государство тюркоязычных племен – Тюркешский каганат (698-766 гг.).

В Согде в VI-VIII вв. появляются селения и городки с тюркскими названиями, что фиксируется письменными источниками (Смирнова, 1971). На горе Муг был также найден документ на древнетюркском языке (Бернштам, 1951). Еще одна древнетюркская надпись была обнаружена к северу от Согда на склоне горы Кульджуктау, в ущелье каньона Тозбулак (Кызласов, 1994).

Согдийцы поддерживали тесные политические связи и с Восточно-тюркским каганатом. В 712 г. в Согде появились отряды Бильге кагана и Кюль тегина, пытавшиеся оказать помощь самаркандцам против арабов (Кляшторный, 1964).

Пока мы имеем единственное на территории Согда древнетюркское погребение с конем, обнаруженное близ Самарканда (Спиришевский, 1951). Металлические изделия находят аналогии в кудыргинских материалах второй половины VI – начала VII вв. (Овчинникова, 1990), а также в погребении с конем в Чуйской долине (Шер, 1961).

В Нуратинских горах зафиксированы тамгообразные наскальные изображения горных козлов (Кабиров, 1976) связываемых с тюрками.

Предметы материальной культуры тюрков обнаружены на различных поселениях и городищах Согда. Например, появление граненых наконечников стрел представленных двумя типами: трехгранных и четырехгранных, исследователями связывается с движением тюрков (Дресвянская, 1994).

Вооружение согдийцев VII-VIII вв. развивалось под воздействием тюркского. Пенджикентские стенные росписи в сочетании с археологическими материалами показывают, что вооружение согдийцев и тюрков было почти идентичным.

Целиком тюркским влиянием объясняется появление наборных поясов в Согде. Для конца VI-VII вв. труднее проследить локальные отличия между поясами и сбруйными наборами Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы. В VII веке эта типологическая общность спадает почти одновременно с разгромом Западного тюркского каганата китайцами. Для конца VII-VIII вв. поясные наборы Сибири, Семиречья и Согда выделяются в обособленную группу (Распопова, 1980). Вместе с тем, исследователи отмечают, что тюркские и согдийские части поясных наборов настолько близки, что трудно сказать, кем изготовлен тот или иной предмет – тюрком или согдийцем.

Тюрко-согдийское взаимовлияние проявлялось в различных областях культуры. Наиболее ярко это прослеживается в Семиречье, где происходили наиболее тесные тюрко-согдийские контакты.

Влияние кочевой тюркской среды на материальную культуру Согда стало заметным в VII веке. Усиливаются элементы кочевой культуры в орнаментации сосудов (изображение стрел, насечек). В оттисках штампов на стенках сосудов преобладают лица с тюркскими чертами. Интересен симбиоз сасанидской культуры с тюрко-согдийской. Значительное количество керамики, повторяющей в глине формы сасанидских серебряных сосудов, имело оттиски не только плодов граната, но и лица тюркских правителей (Лебедева, 1994).

В согдийской корошлястике традиции искусства тюрков, получили отражение в виде изображений тюркских воинов-всадников.

Также тюрки изображались и в живописи Согда, ярким примером которого является самая многочисленная группа фигур на западной стене афрасиабской живописи (Альбаум, 1975). Сравнивая композицию второй группы фигур в росписях Афрасиаба, с каменными изваяниями тюрков, можно найти много общего в костюмах, украшениях и т.д.

Исследование настенных росписей Афрасиаба и Пенджикента показало, что в сравнении с VII в. в костюмах тюрков VIII в. уже проявлялось сильное влияние согдийской культуры (Лобачева, 1979).

В этот период протекают сложные процессы в сфере согдийского искусства, происходит столкновение двух противоположных направлений – искусства поздней античности и искусства тюрков, на основе чего рождаются новые эстетические идеалы (Мешкерис, 1962). Содержательное сходство оседлого и степного искусств чувствуется при сопоставлении согдийских и тюркских изображений животных. (Маршак, 1971).

Осевшая часть тюрков влилась в состав согдийского общества и внесла свой вклад в развитие местной культуры.

4.2 Тюрки в Тохаристане. Во второй половине VI века северная часть Тохаристана оказалась под властью тюркских каганов. На раннем этапе правители тохаристанских владений, хотя официально признали власть тюрков, фактически были независимы.

В период правления западнотюркского кагана Тон ябгу (618-630 гг.) усиливается центральная власть и верховным ябгу – наместником в Тохаристане был назначен сын кагана Тарду шад. В этот период власть тюрков распространилась и на Южный Тохаристан.

Однако, несмотря на усилия Тон ябгу кагана Тохаристан не был объединен в одно целое, а остался раздробленным на 27 мелких владений, правители которых номинально подчинялись верховному ябгу.

При Тарду шаде усиливается процесс проникновения тюрков в Тохаристан из Семиречья и Согда. Сам Тарду шад основал династию тохаристанских джабгуя, правивших вплоть до арабского нашествия. В отдельных тохаристанских владениях (Хутталян, Ахарун, Шуман, Вахан и др.) утверждаются тюркские династии (Гоибов, 1989).

В VI-VII вв. тюрки настолько прочно закрепились в Тохаристане,

что даже после падения западнотюркского каганата сумели сохранить свое политическое влияние в регионе.

По сведениям Хой Чао (первая половина VIII в.) в Хуттале, половина жителей - тюрки, половина из племен ху. Однако, князь и его воины - тюркского происхождения (Бернштам, 1952). Также отмечалось отличие между тюрками южных областей - современных территории Южного Афганистана и Пакистана и тюрками северных районов. Мы предполагаем, что в южные области проникло более раннее тюркоязычное население Средней Азии и переселившиеся сюда тюрки-тупо просто растворились среди них.

Тюркские правители Тохаристана выпускали свои монеты. Так, сасанидские драхмы и подражания им с согдийскими надчеканами «хакан», «тегин» и «господин Дехчи» связаны с тюркским проникновением в районы Тохаристана. Надчеканы датируются VI в., т.е. фиксируют время наиболее раннего переселения тюрков-тупо в Тохаристан (Баратова, 1995).

Письменные источники дают нам сведения и о ранних тюркоязычных племенах, проникших в Тохаристан и проживавших (халаджи) еще со времен I Тюркского каганата, или даже ранее. Правители халаджей выпускали монеты с изображением лица тюркского типа и согдийской надписью «Урду халач», т.е. «ставка халаджей» (Смирнова, 1981).

Другим тюркоязычным племенем, проживавшим на территории Тохаристана в VII-VIII вв. были карлуки. Точная дата их проникновения неизвестна. По мнению некоторых исследователей, это произошло в период борьбы Восточного и Западного каганатов, когда часть карлуков, притесняемая обеими сторонами, в середине VII в. переселилась в верховья Нарына и даже проникла в Тохаристан (Шаниязов, 1964). Не исключено, что это переселение произошло и в более ранний период.

Следующей известной нам группой тюркоязычного населения Тохаристана являются кумиджи. Они с древних времен жили на территории, включавшей в себя Каратегин, горную область к северу от Вашшира и Гиссара.

Одной из групп тюркского происхождения, проникшей в Тохаристан в раннем средневековье и основавшей здесь свои селения также было племя аргу (Камалидинов, 1996).

Тюрки и тюркоязычные племена Тохаристана неоднократно упоминаются и в арабо-персидских источниках (ал-Балазури, 1987; Гойбов, 1989).

Обнаруженные недавно бактрийские документы свидетельствуют о широком распространении в Тохаристане тюркских собственных имен и титулов (Симс-Вильямс, 1997). В раннем средневековье тюркские названия, присутствуют и в топонимике тохаристанских городов (Ахмедов, 1982).

Тюркское присутствие в Тохаристане фиксируется и в археологическом материале. Около культовых оградок или около могил, видимо, стояли каменные тюркские изваяния, найденные в районе

Файзабада (Жуков, 1978) и в Обикийской долине (Соловьев, 1985).

В облике обикийской скульптуры, датируемой концом VI в., сочетаются две художественные традиции: тюркская и тохаристанская. (Соловьев, 1985, 1997). Типичное древнетюркское изваяние обнаружено в районе поселка Калайдашт Файзабадского района (Южный Таджикистан) (Жуков, 1978).

По мнению исследователей с ранними тюрками в Тохаристане связаны Байтудацтские курганы (Пянджский район) (Абдуллаев, 1988, 1990).

С тюркской погребальной или, вероятно, поминальной традицией связаны также каменные оградки около кишлака Лоилаган в долине Сурхана (Дуке, 1975).

Из наступательного оружия тюрков в Тохаристане найдены наконечники стрел и костяные накладки на лук. Вооружение тохаристанцев VII-VIII вв. также как и согдийцев развивалось под сильным влиянием тюркского.

Видимо, в конце VII-VIII вв. тюркские наборные пояса распространяются в Тохаристане. Отметим, что накладные бляшки (прямоугольные с узкой прямоугольной прорезью в нижней части, полукруглые со срезанной нижней частью и с прямоугольной прорезью и др.) обнаруживают широкие аналогии от Алтая до Согда. Бляшки с изображением виноградной лозы несут на себе влияние согдийских традиций.

Распространение лепной керамики с примитивной росписью, встречающейся в долине Шерабадарья, связывается с притоком в этот регион тюркского этноса. Тюркским мастерам принадлежит, видимо, и грубая лепная керамика кроющего слоя Калан Кафирниган (Соловьев, 1997).

Тюркские изобразительные мотивы прослеживаются и в памятниках культуры Тохаристана.

Согласно исследованиям персонажи живописи Балалык тепе, датируемой концом VI-первой половиной VII в. (Соловьев, 1997), в некоторой степени обнаруживают сходство с определенной группой древнетюркских каменных изваяний (Альбаум, 1960).

ГЛАВА V. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТЮРОК.

5.1. Шаманизм и религиозно-мифологическая система.

В тюркском обществе VI-VIII вв. сосуществовали различные формы религии. Яркими проявлениями религиозных воззрений тюрков были шаманизм, тотемизм, магия, культ предков, культ коня, волка, а также своеобразная религиозно-мифологическая система, возведенная в ранг государственной религии в Восточнотюркском каганате. Определенную роль в духовной жизни тюрков играли мировые религии - христианство и буддизм.

По мнению исследователей, тюрки в качестве официальной религии имели в VI-VIII вв. развитый профессиональный шаманизм, и сложился он, вероятно, ранее I в. до н.э. (Кызласов, 1990). Выявляется

определенное сходство в религиозно-мифологических представлениях тюрков и сакских племен Центральной Азии (Акишев, 1978; Войтов, 1996). Скифский звериный стиль, который, «есть символическая знаковая система, предназначенная для описания мироздания», (Раевский, 1985), находит свои соответствия в зоологическом коде древнетюркской макрокосмической модели.

Распространенность шаманизма в среде тюрков Среднеазиатского междуречья в VI-VIII вв. фиксируется арабо-персидскими авторами (Табари, 1987 и др.).

В источниках упоминаются следующие древнетюркские божества: Тенгри (Небо), Умай (богиня-Мать), Йер-суб (Земля-Вода) и Эрклинг (Владыка ада), среди которых главенствующее положение занимал Тенгри - владыка Верхнего мира (Стеблева, 1972; Кляшторный, 1987). Изображения последнего обнаружены и на территории Среднеазиатского междуречья (Богомолов, 1986).

5.2 Культ коня и волка. Широко распространенный у тюрков культ коня находит свои истоки в раннекочевнических и более древних культурах.

Космогоническая роль коня зафиксирована в сложном древнеиндийском обряде ашвамедхи, суть которого заключалась в принесении царями жертвы коня у мирового столба-дерева (Аджигалиев, 1994). Эти ритуалы и вообще, связанные с культом коня обряды имели широкое бытование у евразийских народов: ираноязычных и тюркоязычных в древнюю и более поздние эпохи, в том числе и в VI-VIII вв.

Для древнетюркской эпохи известны жертвенные остатки костей коней и баранов около деревянных кольев в оградках. При этом указывается на главенствующую, первичную роль жертвенного или сопровождающего коня перед бараном и другими животными вообще (Кызласов, 1969).

Образ коня - транспорта в путешествии в «загробный» мир нашел также отражение в древнетюркских надгробных памятниках, например, в изображении на «изваянии» - валуне в могильнике Кудыргэ (Гаврилова, 1965). Западная ориентация стелы свидетельствует также об изображаемых конях как заупокойных, символизируемых со смертью.

К ритуалам, детерминированным транспортной ролью животного относятся обряды посвящения коня умершему. Совокупность этнографических и лингвистических данных подтверждает существование обряда посвящения коня у древних тюрков (Потапов, 1977). Подобный обряд существовал и в скифо-сакской среде (Литвинский, 1972).

С сопроводительной ролью коня в значительной степени связаны минальные скачки как у индоевропейских, так и у тюрко-монгольских народов, в среде которых скачки были чрезвычайно популярны (Аджигалиев, 1994).

Таковы некоторые, далеко неполные сведения о культе коня, широко распространенном среди тюрков VI-VIII вв.

Другим культом, специфичным для правящего рода тюрков Ашина

был культ волка. Волк, священный, почитаемый зверь - один из наиболее распространенных звериных образов в эпосе и генеалогических сказаниях тюрков. В эпосе и сказаниях он выступает то родоначальником, то кормильцем и воспитателем осиротевших детей, то оборотнем.

В изобразительном искусстве кочевого мира образ волка культивировался уже в древнюю эпоху. Материалы захоронений представителей родоплеменной знати и рядовых погребений пазырыкской культуры позволяют сделать вывод о том, что ранние кочевники Алтая чаще других хищников изображали волка (Кубарев, Черемисин, 1987). Изображения волка встречаются и в сакских комплексах Казахстана.

В древнетюркской генеалогической легенде волчица выступает прародительницей тюрков-туго. Их знамена-древки были увенчаны золотой головой волка, их тотема (Бичурин, I). В навершии Бугутской стелы эпохи I Тюркского каганата (584 г.) изображается сцена из древнетюркского генеалогического мифа (Кляшторный, Лившиц, 1971). Исследования показывают, что культ тотема - волчицы, кормящей человеческих детей, является древним, и был распространен даже в Месопотамии (Климов, Эдельман, 1979).

Сообщения китайских хроник о волчьей символике в древнетюркской среде не могут быть объяснены лишь с точки зрения тотемизма. «Перевоплощение» в волков (= псов) было присуще членам мужских союзов, представляющих собой «своеобразную социальную организацию волков» (Ермоленко, 1992). Традиция мужских союзов с волчьей символикой у кочевников евразийских степей восходит к скифам.

О культе волка как таковом и его магических реалиях сведений мало. Согласно китайским источникам в горах - «священной Отюкенской черни» находилась «пещера предков», где по тюркским сказаниям, волчица родила предков тюрков, Раз в год каган приносил здесь жертвы» (Бичурин, I, с.230).

Атрибуты тела волка в поверьях и народной медицине служили талисманами, амулетами, лекарствами (Липец, 1981). Можно предположить, что оберегом (или активным стимулятором победы) должны были служить и многочисленные изображения волков на оружии, конском снаряжении в искусстве кочевников Евразии.

Археологически проявления культа волка фиксируются как на территории Восточного, так и Западного каганатов. Наиболее ярким примером распространения этого культа у тюрков Среднеазиатского междуречья является статуэтка из Бегавата (Рутковская, 1968). Вероятно, она является иллюстрацией генеалогической легенды правящего рода тюрков. Скорее всего, с тотемическими верованиями тюрков связано и изображение капитолийской волчицы в живописи Бунджиката - столицы Уструшаны (Негматов, 1968), где, как известно в VII-VIII вв. правили тюркские владетели. В связи с этим, видимо не случайно распространение в Среднеазиатском междуречье в VI-VIII вв. различных брактатов с идентичными изображениями.

5.3 Тюрки и мировые религии. С одной из мировых религий -

буддизмом предки тюрков-туго ознакомились достаточно рано. Согласно источникам в первые века нашей эры буддизм проник в среду кочевников Центральной Азии, в частности хуннов. Он имел распространение в поздних хуннских государствах Восточного Туркестана (IV-V вв.), с которыми генетически и исторически было связано племя Ашина (Кляшторный, 1964).

Уже с самого начала существования Тюркского каганата его правители хорошо понимали роль не только военных но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сферы их влияния, правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некоей идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе.

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553-572 гг.). Однако лишь Таспар каган (572-580 гг.) придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке (Кляшторный, Лившиц, 1971). В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры, были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри, где сам Таспар принимал участие в обрядах.

Социально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г. и последовавший затем распад державы не позволили буддизму укрепить свои позиции среди тюрков (Кляшторный, 1973).

Попытка возрождения буддизма как государственной религии во Втором Тюркском каганате, в конце VII- в начале VIII веков успеха не имела. Было заявлено, что «учение Будды делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными» (Бичурин, 1, с. 274).

В среде западных тюрков буддизм имел большее распространение. В VI-VII вв. в Кашмире и Гандхаре тюркскими правителями или членами их семей были основаны несколько буддийских монастырей. (Бернштам, 1952).

Буддийская терминология использовалась в некоторых древнетюркских надписях на бытовых предметах, монетах, что говорит об относительно широком проникновении буддизма в тюркскую среду (Васильев, 1993).

Канонизированные образы буддийского искусства, оказали большое влияние на происхождение и развитие древнетюркской скульптуры (Кубарев, 1984; Шер, 1966).

С другой мировой религией - христианством, тюркоязычные племена также познакомились достаточно рано. Этому способствовало с одной стороны широкое распространение тюркоязычных племен от Кореи на востоке до Дуная на западе, с другой - активное движение христианских проповедников в оседлую и кочевую среду.

Со второй половины VI века устанавливаются тесные торгово-дипломатические связи Тюркского каганата с Византией. Последняя была

заинтересована в союзе с тюрками против Сасанидского Ирана, поэтому разными путями старалась сблизиться и в том числе путем пропаганды христианства среди тюрков.

Тюрки, переселяясь в оазисы Средней Азии, где имелись христианские общины, частью переходили в христианство. Некоторые тюркские правители Чача, монетные выпуски которых с изображением креста явно подражали солидам византийских императоров, вероятно, также придерживались христианского вероисповедания (Ртвеладзе, Ташходжаев, 1974). Согласно источникам, часть тюрков Бухарского оазиса были христианами (Симокатта, 1996).

Тюрки-шаманисты мирно сосуществовали с христианами. Об этом в частности свидетельствует факт захоронения тюрков в городском некрополе Краснореченского городища по обряду погребения с конем, рядом с которым было совершено христианское погребение (Горячева, 1985).

Но насколько позволяют судить материальные знаки духовной культуры тюрков последующего периода, христианизация части тюрков не была глубокой и уживалась с древними языческими представлениями и обрядами.

Среди населения Тюркского и Западно-тюркского каганатов, в том числе и среди тюрков-туго получило распространение и манихейство.

Некоторая часть тюрков, переселившихся в оазисы Среднеазиатского междуречья, приняла местные верования, о чем в частности, свидетельствует погребение тюрка в хуме из Ферганы (Козенкова, 1961). Однако несмотря на пропаганду и распространение различных религиозных идей, основная часть тюрков сохранила приверженность старым традиционным верованиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение археологического материала при его дополнении данными письменных источников в Среднеазиатском междуречье позволило выделить общие черты, характеризующие тюрков региона.

Здесь выявлены все основные виды археологических памятников тюрков - погребения с конем, ритуальные сооружения - каменные отрядки, каменные изваяния и характерные тамгообразные наскальные изображения горных козлов. Большая их часть открыта в Ферганской долине, где найдено и подавляющее большинство рунических надписей.

Из категорий материальной культуры тюрков, или связанных с их влиянием, наиболее многочисленны наборные пояса. Самая разнообразная их группа - накладные бляшки. Наиболее ранние типы бляшек встречаются на Нижней Сырдарье и в погребении с конем близ Самарканда. Массовое распространение наборных поясов в центральных оазисах относится к VII-VIII вв. Наблюдается близость поясов Семиречья, Согда и Тохаристана. Необходимо отметить, что в Согде производили и местные, отличные от алтайских бляшки и пряжки - подвески.

Из древнетюркских видов украшений самыми распространенными в Среднеазиатском междуречье были серги с каплевидной подвеской. Они

встречаются на огромной территории от Алтая и Семиречья - до Согда и Тохаристана. С VII в. появляются серьги «салтовского» типа также связываемые с тюрками.

Часто встречаемой деталью тюркской конской сбруи являются стремена от кудыргинского этапа до туяхтинского, т.е. в пределах VI-VIII вв.

Следующей категорией памятников, связанной с тюрками, в широком смысле этого слова, являются рунические надписи. На рассматриваемой территории найдено более 26 надписей, причем они относятся по меньшей мере к трем разновидностям древнетюркской рунической письменности: так называемым исфаринскому, ачикташскому и орхоно-енисейскому. Их возникновение, по-видимому, связано не только с тюрками-туго, но, возможно было проявлением культуры других тюркоязычных племен региона. Судя по нумизматическим материалам и Бугутской надписи, в VI в. в среде тюрков была распространена и согдийская письменность.

Анализ имеющихся материалов позволяет выявить степень влияния тюркской культуры в регионе. Оно было меньшим в эпоху Первого Тюркского каганата (во второй половине VI-начале VII вв.) и значительно усиливается к VII в., в период централизаторской политики западнотюркского кагана Тон-ябгу. Однако это влияние сохранилось и после падения Западнотюркского государства. Лишь установление господства арабов временно ослабило интеграцию тюрков и населения оазисов. На Средней Сырдарье интенсивные контакты не прерывались и в последующие периоды, что проявляется в наборных поясах, конской сбруе. Здесь же фиксируется наибольшее влияние древнетюркской культуры, усиленное процессом перехода тюрков к оседлости.

Хотя большинство тюрков придерживалось своей традиционной религии, некоторая их часть приняла местные верования, а также мировые религии - христианство и буддизм.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ АВТОРОМ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Хунну давлати. // «Мулоқот», № 1-2, 1994.
2. К вопросу о тюрко-тохаристанских связях. // Городская культура Бактрии-Тохаристана. Тезисы докладов Республиканской конференции. Самарканд, 1995.
3. К вопросу о происхождении древних тюрков. // Тарих фанининг долзарб масалалари. Самарканд, 1997.
4. Аварлар. // Фан ва турмуш. № 4, 1998.
5. К вопросу о развитии медицины у древних и средневековых тюркоязычных племен. // Научные труды СамГМИ и Московской медицинской академии. Часть 2. Самарканд - Москва, 1999. (Соавтор Р.М.Маликова).
6. Тюрки в Согде // Тезисы научной конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук Р.Х.Сулейманова «Согд в системе культурных связей Центральной Азии». Самарканд, 1999.
7. Тюрки в Тохаристане. // ИМКУ, вып. XXX. Самарканд, 1999.

VI-VIII асрларда Ўрта Осиё икки дарё оралиғи турклари (археологик ва ёзма манбалар асосида) Маликов А.М.

РЕЗЮМЕ

Ўзбек халқининг асосини ташкил этган туркий аجدодларими тарихини ўрганиш фанда энг долзарб муаммолардан бири ҳисобланади.

Бу мавзуга доир кўшлаб тадқиқотлар олиб борилган бўлса ҳам, археологик ва ёзма манбаларни яхлит бир монографик тадқиқоти ҳанузгача амалга оширилмаган эди. Натижада бир қатор мураккаб ва баҳсли муаммолар ўз ечимини топмай қолган эди.

Мазкур диссертацияда VI-VIII асрлар Ўрта Осиё икки дарё оралиғи (Сирдарёнинг ўрта хавзаси, Фарғона, Сўғд, Тохаристон ҳудудлари) туркларининг тарихи турли хил манбалар, асосан археологик материалларни комплекс таҳлили асосида тадқиқ этилган.

Асосий эътибор - турк-тукюларнинг келиб чиқиши, уларнинг моддий ва маънавий маданиятининг шаклланиши, туркларнинг юқорид-айтиб ўтилган тарихий воҳаларнинг аҳолиси билан ўзаро алоқалар ва бир-бирига таъсир қилиши каби масалаларни ўрганишга қаратилган.

Манбаларнинг ҳар томонлама таҳлили муҳим илмий хулосаларни чиқаришга имкон яратди.

Турк ҳоконлиғи асосчилари - туркларнинг шаклланишида қадимдан Ўрта Осиё аҳолиси билан яқин этник ва маданий алоқада бўлган олтойликларнинг ҳиссаси йирик бўлган. Туркларнинг моддий маданиятининг шаклланишида (қурол-яроғ, от аслаҳа-анжомлари) хунларнинг маданий таъсири кузатилади.

Ўрта Осиё Турк ҳоконлиғи таркибига киришдан олдин ҳам, ўлкамизда туркийгўй аҳоли истиқомат қилиб келганлиги шубҳасиздир.

Ўрта Осиё икки дарё оралиғидаги туркларга тегишли археологик ёдгорликларнинг асосий турлари (мархум билан бирга отларни кўшиб кўмиш, аждодлар руҳига сифиниш жойлари, тош хайкаллар /балбалар/) аниқланди. Уларнинг, шу жумладан туркий руний ёзувларнинг қатта қисми Фарғона водийсидан топилган. Қадимги туркларнинг моддий маданияти излари (қурол-яроғ, от аслаҳа-анжомлари, камарлар) Чоч, Сўғд ва Тохаристонда ҳам топиб ўранилди. Ўлка аҳолиси қадимги туркий руний ёзувининг қаида уч туридан фойдаланганлиги маълум бўлди.

Туркларнинг асосий қисми ўзларининг шомоний динини сақлаган бўлса ҳам, баъзилари бошқа динларга: буддавийлик ва насронийликка ўтиб кетган.

**«Turks in Transoxiana in VI-VIII centuries
(according to archaeological and written sources)
A.M. Malikov**

S U M M A R Y

The problem of studying the genesis and the ways of the turkic stratum which became the main body of the Uzbek people is one of the most actual problems in history. A great number of research work was devoted to the investigation of this problem. But archaeological and historical sources were considered quite separately. That's why a lot of very complicated problems appeared for discussion.

This thesis is the first attempt to complex analysis of different sources and the archaeological data first of all, history of Transoxiana turks, in particular, mostly of Middle Syr-darya, Ferghana, Sogdiana and Tokharistan regions.

The main attention is paid to the problems of the origin of turks, to the analysis of their material and and spiritual culture, to the processes of their interrelations with other strata of the population of the above-mentioned regions. The complex analysis of the sources enabled us to make some very significant conclusions.

The people of the Altai region which have maintained very close ethnocultural and migration relations with the Central Asia since ancient times played a great role in the ethnogenesis of the ancient turks. In the material culture (arms, harness) the influence of the huns culture was great.

Long before the Central Asia inclusion into the Turkic kaghanate the turkic speaking people have lived there.

All the main types of the ancient turkic archaeological monuments such as burial with the horse, funeral fences stone sculptures and the like were found in the Transoxiana. The considerable part of them was discovered in the Ferghana valley alongside with the predominant majority of runic inscriptions.

Very priceless material was found on history of turks of Sogdiana, Chuch and Tokharistan. The people of the region used at least three kinds of turkic runic inscriptions and they knew the Sogd written language as well. The categories of material culture of the turks such as composed belts, arms, harness are discovered in all the investigated regions.

Сдано в набор 20.01.2000 г. Подписано в печать 28.01.2000 г.
Тираж 70 штук. Объем 1 п.л. Формат 60x84 1/16.
Бесплатно. Заказ № 5.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
Адрес: г. Самарканд ул. акад. В. Абдуллаева, 3